ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА, 2010, том 69, № 5, с. 46–53

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ИЗ ЦИКЛА СТАТЕЙ Д.Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО “МЫСЛИ ВСЛУХ” (1919)

© 2010 г. В. В. Перхин

Публикация вводит в научный оборот забытые статьи Д.Н. Овсянико-Куликовского из газеты “Современное слово”, издававшейся в Одессе, контролируемой войсками Белого движения. Во вступительной статье определено их историческое место в творческой биографии литературоведа, публициста и редактора, показан его вклад в развитие теории и практики цикла как самостоятельной формы художественной и публицистической деятельности.

This publication draws fresh attention to the long forgotten newspaper articles written by D.N. Ovsyaniko-Kulikovsky for the periodical “Sovremennoe slovo” (“The Present-day Word”), which used to be published in Odessa and was controlled by the politico-military forces of the White movement. The editorial preface accounts for the important place these articles held in the author's career and for the contribution D.N. Ovsyaniko-Kulikovsky made into the theory and development of article sequences as a creative and periodical phenomenon in its own right.

Д.Н. Овсянико-Куликовский (1853–1920) – видный теоретик и историк литературы, один из ведущих деятелей психологического направления в русском литературоведении [1]. Вместе с тем, будучи профессором Петербургского университета, он руководил беллетристическим отделом журнала “Вестник Европы”, а с 1913 г. редактировал его вместе с К.К. Арсеньевым; позднее его соредакторами были А.С. Посников и Д.Д. Гримм [2, с. 5–6, 21–25].

После Февральской революции “Вестник Европы” поддержал Временное правительство, критиковал большевиков. В рубрике “Хроника. На темы дня” Арсеньев осудил роспуск Учредительного собрания, предупреждал об опасности гражданской войны. Журнал отверг Брестский мир, считая его “катастрофическим для русской государственности и для русского народного хозяйства”, идеологами разрушения называл В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева [3, с. 109–111]. Большевики закрыли журнал как “контрреволюционное издание”. Примерно через полгода К.К. Арсеньев умер, А.С. Посников сразу после Октября уехал в свое имение, где, вероятно, и скончался в 1921 г. В отличие от него Д.Д. Гримм, бывший член Временного правительства, перебрался в Финляндию, редактировал газеты “Русская жизнь” и “Новая русская жизнь”.

Не позднее марта 1918 г. (по воспоминаниям жены – после “прекращения лекций” в вузах) [4, с. 5] уехал из Петрограда и Овсянико-Куликовский – в Одессу, где в 1880-е годы начиналась его научно-педагогическая и журналистская деятельность. Исследователи утверждали, что в 1919–1920 годах ученый работал над “Воспоминаниями” [1, с. 17; 5, с. 379]. О связи с прессой даже не упоминали: было принято не замечать сотрудничество с Белым движением. Первой такую осторожность проявила вдова литературоведа: “…он поселился на своей приморской даче и продолжил мемуары” [4, с. 6]. В результате было забыто, что по дороге в Одессу, остановившись в Харькове, он с 11 апреля и до июля 1918 г. принимал “ближайшее участие” в издании газеты “Возрождение” [6, с. 29], а в Одессе редактировал газеты “Южное слово” и “Современное слово” [6, с. 116, 133].

Цикл статей “Мысли вслух” начинался в “Южном слове” (там появилось одиннадцать выпусков), а продолжался в “Современном слове”. В двадцати двух номерах этой газеты, которые сохранились в газетном фонде Российской национальной библиотеки, можно найти четыре статьи – в выпусках за 13 октября, 2, 6 и 23 ноября 1919 г. В Отделе литературы Русского зарубежья Российской государственной библиотеки хранится всего пять номеров этой газеты, в том числе и № 51 от 26 декабря: в нем напечатана еще одна статья этого цикла.

Наличие сквозной нумерации – XII, XVII, XVIII, XXI (две статьи ошибочно обозначены одной римской цифрой – XVIII) – первый признак того, что автор изначально задумал эту серию статей как цикл.

В художественной литературе и журналистике циклы создавались и в XIX веке (очерки И.С. Тургенева “Записки охотника”, письма-статьи А.И. Герцена “Кануны и начала”). Особое развитие циклизация получила в начале XX века. Можно вспомнить семичастный цикл Вяч.И. Иванова “Спорады” и трехчастный Г.В. Плеханова “О так называемых религиозных исканиях в России”. В 1912 г. М. Горький напечатал цикл статей “Издалека”. Само понятие “цикл” возникло в то время, и цикл стал осознаваться как отдельная, независимая литературная форма [7, стлб. 1189–1190; 8, с. 292, 293]. Тогда же впервые попытались осмыслить её теоретически.

Подводя итоги этого осмысления, А. Белый, например, писал: «Только на основании цикла стихов одного и того же автора медленнее выкристаллизовывается в воспринимающем сознании то общее целое, что можно назвать индивидуальным стилем поэта; и из этого общего целого уже выясняется “*зерно*” каждого отдельного стихотворения; каждое стихотворение преломляемо всем рядом смежно-лежащих; и весь ряд слагается в целое, не открываемое в каждом стихотворении, взятом порознь» [9, с. 534]. Далее он вновь говорил о “взаимном сплетении” частей, о “целом, не преломляемом частями, но преломляющему эти части”.

К началу века относится и теоретическая работа Овсянико-Куликовского “К психологии понимания”, где он близко подходил к мысли А. Белого о том, что каждое произведение “преломляемо всем рядом смежно-лежащих”, только на другом материале: чтобы понять отдельный очерк, надо “иметь в виду некоторые другие рассказы” [10, с. 109]. Можно предположить, что об этом он думал и в связи с тремя очерками М. Горького, когда в 1912 г. писал ему: «…в совокупности эти – на первый взгляд – непретенциозные “картинки” дадут живую и многообещающую картину Руси… Что касается заглавия “Русь”, то я не нахожу его ни громким, ни неловким: это в самом деле Русь… Если хотите, можно бы взять заглавие: “По Руси”…» [2, с. 25]. Создавая цикл “Мысли вслух”, теоретик литературы и публицист рассчитывал, конечно, на то, что “воспринимающее сознание” поймет не только мысли каждой отдельной статьи, но и задумается над тем “целым”, которое не открывается в каждой статье, “взятой порознь”.

В Одессе 1919 г. было достаточно людей, способных на такое восприятие. Там жили И.А. Бунин, Е.Н. Трубецкой, М.А. Алданов, Т.Л. Щепкина-Куперник, П.М. Пильский, Дон Аминадо, Тэффи, А.Н. Толстой, журналисты А.А. Яблоновский, А.Р. Кугель, В.В. Руднёв, И.И. Бунаков-Фондаминский, А.Ф. Керенский, молодые писатели В.П. Катаев и Ю.К. Олеша. Находились там и многие столичные профессора, ученые.

С марта 1918 по апрель 1919 г. Одесса была оккупирована сначала австро-немецкими, а затем англо-французскими войсками. В начале апреля 1919 г. в город вошли большевики и были там до конца августа. Этот период более всего известен по книге Бунина “Окаянные дни”. Армия Деникина вытеснила большевиков 24 августа. Из дневника В.Н. Буниной известно, что руководители Добровольческой армии сразу же собрали своих сторонников-литераторов для организации газеты: “Три дня сряду были заседания. Наконец, сговорились. Редактором будет Дм. Ник. Ов[сянико]-Куликовский” [11, с. 255].

Это была газета “Южное слово”, выходившая “при ближайшем участии акад. И.А. Бунина, Н.П. Кондакова”. Овсянико-Куликовский вел ее со второго номера от 23 августа (10 сентября) и до тридцать пятого (1(14) октября). О позиции редактора ясно говорит то, что 22 сентября в газете появилась статья «Десятилетие “Вех”». Ее автор, молодой литературовед и поэт Л.П. Гроссман, печатался у Овсянико-Куликовского в “Вестнике Европы”. И, вероятно, юбилейную статью о сборнике “Вехи” написал по заданию и под влиянием редактора. В ней утверждалось, что “Вехи” – «тип гоголевской переписки или “Дневника писателя” Достоевского». Эти книги “дороги нам своей мучительной тревогой за Россию. И может быть, в глубоком страдании и острой боли этого встревоженного патриотизма – вернейший залог отечественного возрождения” [12, с. 2].

Однако уже 14 октября Овсянико-Куликовский подписал последний номер “Южного слова”. Вероятно, его ориентация на традиции либеральной интеллигенции и антимонархизм не смогли ужиться с консерватизмом Кондакова. Бунина свидетельствует, что Н.П. Кондаков “громил газету”, “со страшной злобой говорил о Овсянико-Куликовском” [11, с. 256]. 26 октября “академик Д.Н. Овсянико-Куликовский” появился на первой полосе “Современного слова”, а 7 февраля 1920 г. войска Деникина под напором Красной армии оставили Одессу. В тот день “Современное слово” вышло в последний раз.

Три месяца газета вела ту политическую линию, которая была у журнала “Вестник Европы” перед его закрытием. Ее публицисты резко выступали против “кликушеских выкриков Пуришкевича” и “красноармейского экклезиаста Ленина”, против “советского Кремля” и “погромствующего Шульгина”. Они утверждали, что путь спасения

России, – “светлое”, “вдохновенное западничество” и “могучая любовь к родному государству” [13, с. 1].

В статьях редактора нет выпадов против личностей, конкретных противников. Он призывал забыть о разделении на республиканцев и монархистов, объединиться вокруг правительства Деникина и дождаться решения Учредительного собрания. Эти программные установки появились в первом номере “Современного слова” – в передовой, явно принадлежащей перу Овсянико-Куликовского, затем в XII статье цикла “Мысли вслух” под заголовком “Единое на потребу”. Здесь он славил “Великий патриотический подвиг Добровольческой армии”, “политическую программу адмирала Колчака и генерала Деникина”, потому что “Добровольческая Армия освобождает и собирает Россию”. “Правительства адмирала Колчака и генерала Деникина, – писал публицист, – организуют государственную власть, способную оградить права человека и гражданина от всяких посягательств справа и слева, и тем самым создать в России условия, необходимые для культурного труда, для дальнейшего прогрессивного развития” [14, с. 2].

Сильная государственная власть, утверждал автор цикла, позволит “низвергнуть коммунистическое иго”, преодолеть “кошмар всероссийской разрухи”, оставить в прошлом “большевистское насилие” и “воскресить нацию из мертвых”.

Мотивы “возрождения” “единой великой демократической России”, сильной государственной власти, отрицания “коммунистического ига” объединяют все статьи цикла.

Но если сравнить статью “Единое на потребу” от 13 октября со статьями от 2, 6, 23 ноября и 26 декабря, то заметна эволюция позиции автора. В первой он прежде всего публицист, откликающийся на злобу дня (метафоры “звериный образ советской власти”, “кровавые ужасы застенка”, “каторжное клеймо большевизма”). В ноябрьских и декабрьских статьях нет подобных образов. Здесь автор стремился к широким обобщениям.

Три из них связаны еще и заголовками: в каждой на первом месте понятие “интеллигенция”. Они образуют отдел-цикл, внутренний цикл статей, цикл в цикле. Самостоятельна не только каждая из трех статей в отдельности, но самостоятельны и эти три статьи, вместе взятые. На их примере хорошо видна принципиальная особенность циклизации: “тройственное” целое по своему содержанию нечто большее, чем сумма содержаний каждой из трех статей. Вообще, “смысл цикла шире совокупности смыслов отдельных произведений, его составляющих” [15, стлб. 399].

В статье “Интеллигенция и большевизм” доказывалось, что “большевистская душа” “всего чаще” ничего общего не имеет с “духом русской интеллигенции, с ним несовместима”. “Суть большевизма, – утверждал автор, – в одичании, в озверении души, в извращении нравственного сознания, ужасающем психологическом цинизме”. “Если человек не являет признаков гуманизма – он психологически не интеллигентен, – и русская интеллигенция не может признать его *своим*”. Как заметит читатель републикуемых ниже статей, Овсянико-Куликовский особенно подчеркивал, что большевизм – результат невосприимчивости к русской литературе как “родине души”. Для русской интеллигенции, по мысли автора, “русская литература есть родина души и животворный источник умственного и нравственного возрождения”. По Овсянико-Куликовскому, большевиком может оказаться представитель любой партии и любой беспартийный; большевизм был для него термином, обозначающим не только партийную принадлежность, сколько особый душевный, психологический комплекс.

Во второй статье “Интеллигенция и единство России” публицист трактовал не менее актуальный в то время вопрос. Он доказывал, что только интеллигенция, воспринявшая от русской литературы “умственную и моральную силу”, будет обладать тем “психологическим единством”, которое позволит ей стать “одной из важнейших сил, создающих и укрепляющих национальное (в культурно-психологическом смысле) единство страны”. “Интеллигенция, – читаем в статье, – если она достаточно многочисленна и действенна, является залогом воссоздания государственного единства”.

Отметим, что в статье из другого, четырехчастного, цикла Овсянико-Куликовский уточнил свою мысль. В “нашей духовной культуре, – писал он, – и залог нашего *единства*, по крайней мере *национально-культурного*. Правда, отсюда еще далеко до единства политического. Но при благоприятных условиях, достижение этого последнего, в значительной степени облегчается первым, в особенности если политика проникается тем духом свободы и тем принципом вольного сотрудничества, которыми действенна всякая духовная культура” [16, с. 1].

О духовном облике интеллигенции Овсянико-Куликовский писал и в статье “Интеллигенция и возрождение России”. По его мнению, особую ценность имеют две черты интеллигентского

психологического типа: 1) этический гуманизм и 2) потребность искать в своем “действовании прежде всего личного нравственного удовлетворения, утоления духовной жажды”. Творческое проявление этих черт в будущем он связывал с “объединением” интеллигенции и с “идеей великой свободной демократической России…”.

Таким образом, не только заголовки, но также основные идеи объединяют все три статьи. Скрепляет их и методологическое единство – психологический анализ современных явлений, а также личность автора, умного, проницательного, страстно желающего понять истоки и смысл истории современности. Взятые вместе, они представляют психологическую концепцию русской интеллигенции и ее миссии в России. “Целое”, действительно, богаче “взятого порознь”.

Овсянико-Куликовский как ученый, публицист и редактор понимал, что должен дать современникам духовные ориентиры не только в настоящем, но и на годы вперед, чтобы они “увереннее, бодрее смотрели бы в сгущенную тьму грядущего…” [17, с. 1]. Его цикл “Мысли вслух” показывает, что и в годы войн русская академическая мысль сохраняла высокий интеллектуальный уровень, вскрывала противоречия своего времени, искала путь к истине. И этот поиск, как представляется, может волновать людей и поныне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Осьмаков Н.В.* Психологическое направление в русском литературоведении. Д.Н. Овсянико-Куликовский. М., 1981.
2. *Никитина М.А.* Вестник Европы // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.
3. *Хайлова Н.* Вестник Европы // Политические партии России. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996.
4. *Овсянико-Куликовская И.* [Предисловие] // *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания. Пг., 1923.
5. *Зыкова Г.В.* Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1999. Т. 4.
6. Несоветские газеты (1918–1920 гг.). Каталог собрания Российской национальной библиотеки / Отв. сост. И.А. Снигирёва. СПб., 2003.
7. *Семёнова Е.А.* Циклизация // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001.
8. *Дарвин М.Н.* Цикл // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008.
9. *Белый А.* Вместо предисловия // *Белый А.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статьи, сост., подготовка текста и примеч. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 2006. Т. 2.
10. *Овсянико-Куликовский Д.Н.* К психологии понимания // *Осьмаков Н.В.* Психологическое направление в русском литературоведении. М., 1981.
11. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. В 2 т. М., 2005. Т. 1.
12. *Гроссман Л.* Десятилетие “Вех” // Современное слово. 1919. 6 сентября.
13. *Мирский Б.* Князь // Современное слово. 1919. 6 ноября.
14. *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Мысли вслух. XII. Единое на потребу // Современное слово. 1919. 13(26) октября.
15. *Сапогов В.А.* Цикл // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975.
16. *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Ходоки. И.С. Тургенев // Современное слово. 1920. 21 января (3 февраля). С. 1.
17. *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Незабвенной памяти М.И. Туган-Барановского // Современное слово. 1919. 13(26) декабря.

Д.Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ “МЫСЛИ ВСЛУХ”

1. Интеллигенция и большевизм

Между русской интеллигенцией, как таковой, и большевизмом, как известным укладом психики, существует глубокое внутреннее противоречие, психологическое и моральное. “Большевистская душа” не может быть рассматриваема, как разновидность или отпрыск интеллигентской души. В иных случаях можно видеть в ней продукт патологического извращения этой последней, но всего чаще она является психологической формацией, по своему характеру и происхождению ничего общего не имеющей с духом русской интеллигенции, с ним несовместимою и непримиримою. Чтобы убедиться в этом, нужно взять большевизм в его подлинной психологической сути, и не только в виде известной идеологии, характеризующейся крайним радикализмом социалистической мысли, максимализмом программы.

Можно быть убежденным коммунистом или анархистом, не будучи большевиком. В укладе русского ума нередко сказывается наклонность впадать в крайности ("хватать через край"). Вспомним хотя бы Белинского ("неистового Виссариона") и Л.Н. Толстого. Но если, на этом основании, мы назовем их "большевиками" (в психологическом смысле), то это будет вопиющая неправда и величайшая несправедливость. Суть большевизма не в этом, не в крайностях программы, не в максимализме требований и стремлений, а совсем в другом, психологически более важном и морально глубоко-прискорбном: *в одичании, в озверении души, в извращении нравственного сознания, ужасающем психологическом цинизме*. Человек, опустившийся до этого уровня бесчеловечности, как бы он ни был образован, начитан и даже учен, теряет право на звание человека мыслящего и чувствующего, т.е. интеллигентного в истинном смысле этого слова. Этот смысл лучше всего выражается понятием *гуманности*[1]. Если человек не являет признаков гуманности, – он психологически не интеллигентен, – русская интеллигенция не может признать его *своим*.

Конечно, в рядах большевиков могут оказаться некоторые лица, не являющие признаков озверения души, цинизма и т.д. Мы скажем, что они попали в эту среду по какому-то недоразумению или наваждению, что их место не здесь. С другой стороны, во всякой среде найдутся люди душевно-одичалые, аморальные, циничные. Мы скажем о них, что это – психологически – те же большевики, хотя бы коммунистическая идеология была им чужда, и никаких максимальных требований они не предъявляли.

У нас издавна известен особый психологический тип *русского циника*, или, пожалуй, "*нигилиста*" (но только, конечно, не в базаровском и не в писаревском смысле). Это человек с пустопорожней душой, который надо всем глумится, нередко и над самим собой; это – злобствующий скептик и "отрицатель", не имеющий ни интеллектуальных прав на скептицизм, ни моральных – на отрицание, – русская пошлая карикатура на опошленного немецкого Мефистофеля. Есть несколько разновидностей этого патологического типа, и в основании всех их лежит большая или меньшая *аморальность* натуры, которая сказывается с особливою уродливостью в тех случаях, когда циник прикрывается личиною морали или религии. Но рядом с циником-лицемером и циником-ханжой выделяется другая разновидность русского аморализма: это – *циник-фанатик*. Его психологию можно кратко описать так: крайняя идея, злая и жестокая, забрела в слабоумное сознание и, заполнив пустопорожнюю душу, превратила ее в душу палача. Это – маньяк, готовый умереть за идею. Но вместе с тем это – палач, сладострастно наслаждающийся муками жертв, которых он истязает и убивает, идеи ради. Человек, в своем роде, "цельный": фанатизм, доведенный до юродства, гармонически сочетается в нем с крайним ожесточением души, возведенным на степень всесовершенной бесчеловечности. Ярким представителем этой разновидности был, в 60-х годах, известный Нечаев, от которого отвернулась вся русская интеллигенция, даже крайне левая – в лице Бакунина. Натуры этого – нечаевского – пошиба гениально воспроизводил Достоевский, – и русская интеллигенция с отвращением от них отшатнулась, не признав их – *своими*.

Когда от социал-демократического русла обособилось большевистское течение, – в это последнее попали многие, по натуре и душевным качествам люди разные, – в их числе оказались, конечно, и циники-фанатики различных ступеней душевного одичания. После 1905-го года количество последних значительно возросло, а после революции 1917-го года образовалась огромная лавина людей этого типа, вынырнувших изо всех слоев, изо всех подполий, изо всех охранок и тюрем, – и тогда-то психологическая суть русского большевизма воочию обнаружилась в последовавшей всероссийской катастрофе, в демагогической политике и правовой практике советской власти…

Весь этот разгул и кошмар русского психологического цинизма ровно ничего общего не имеет с русской интеллигенцией, как таковой, несмотря на то, что многие деятели большевизма вышли из ее среды. Для нее они – отщепенцы и отверженные, для них она прирожденный коллективный враг, которого они истребили бы с наслаждением. Психологически выходит такая картина: на одном полюсе интеллигенция, на другом большевизм, и между ними пропасть.

Русская интеллигенция есть культурная среда, исторически сложившаяся, родословная которой восходит к Ломоносову, Новикову, Радищеву, и которая преемственно, из поколения в поколе-

[1] Здесь Овсянико-Куликовский развивал одну из основных своих идей. Ранее он писал: "Гуманность, просвещение, освободительные идеи не нуждаются ни в религиозной, ни в философской санкции, ибо они самоценны и сами по себе составляют величайшее благо" (*Овсянико-Куликовский Д.Н.* Кризис русских идеологий // *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Собр. соч. Изд. 3-е. СПб., 1914. Т. VI. С. 241). И в воспоминаниях: "Между научностью мысли и гуманностью чувства и идей есть какое-то тайное психологическое сродство…" (ПГ., 1923, с. 45).

ние, воспитывается на Пушкине и Гоголе, на Лермонтове и Некрасове, на Белинском и Герцене, на Тургеневе, Толстом и Достоевском, на Добролюбове, Чернышевском, Михайловском и т.д. Это не политическое, не программное воспитание, – и даже не всегда – непременно – идеологическое, а преимущественно, по самому существу своему, *гуманное и моральное*. В огромной сокровищнице великой русской литературы найдутся всевозможные идеи, в том числе и политические, в ряду последних имеются и крайне правые, и крайне левые. И всякий, кто к ней обращается, волен взять оттуда – что хочет и может. Но суть дела не в этом, а в том, что эта сокровищница есть неоскудевающий источник гуманности, психологического идеализма, нравственного подъема, лучших человеческих стремлений, лучших человеческих упований. Оттуда исходит умственная и моральная сила, воспитывающая и облагораживающая, творящая из материала человеческих душ людей по своему образцу и подобию. Русская литература не есть просто сумма таких-то и таких-то произведений, таких-то и таких-то авторов: она – "органическое", в психологическом смысле, целое, живая национальная душа, перевоплощающаяся из рода в род. Русская интеллигенция, собранная из людей всех званий и состояний, коренных русских и инородцев, не есть просто "читающая публика", а психологически-организованная среда, для которой великая русская литература есть родина души и животворный источник умственного и нравственного возрождения.

Для большевизма всех ступеней и форм русская литература, конечно, не родина души и не животворный источник. В Москве и Петрограде издают (и даже роскошно) русских классиков, но это только библиотека, собрание книг, как вещей, лицемерно и цинично выставляемых на показ. Ибо русская интеллигенция там бездействует, погруженная в летаргию. Уйдет советская власть – воскреснет интеллигенция, и русская литература вновь станет живою и действенною.

Русская интеллигенция борется с большевизмом самим фактом своего существования и распространения...

("Современное слово". 1919. 2 ноября. С. 2.)

2
Интеллигенция и единство России

Русская интеллигенция, как и всякая другая, характеризуется стремлением к *психологическому единству*, вполне совместимому с разнообразием. Это – черта стойкая и яркая, вытекающая из самой природы интеллигенции, из процесса ее возникновения и развития. Она объединяется прежде всего своим *языком*, который принято называть "общим", а также "литературным", или "книжным". В нем хранится огромный запас переживаний, накопленных из поколения в поколение. На этой почве и создается психологическое единство интеллигенции, все более и более упрочивающееся в меру ее преемственного развития и расширения ее культурной деятельности. С этой стороны интеллигенцию можно определить так: *она есть среда, лингвистически, психологически и культурно объединенная и, сознательно или бессознательно, принимающая это единство – как благо, которым она чрезвычайно дорожит.* Можно сказать, что это – особая форма человеческой социальности, самая свободная из всех, особый тип симбиоза и сотрудничества, отличающийся исключительным развитием психологического индивидуализма, возникающий не на почве материальных интересов, а силою духовных запросов. Человек, приобретший, ввиду заработка или карьеры, известную сумму специальных знаний, или некоторое общее образование, eo ipso еще не превращается в интеллигента, – он становится таковым лишь с того момента, когда у него возникают духовные запросы, когда пробуждается стремление к умственной самодеятельности и намечается безотчетная, самодовлеющая тяга к интеллектуальным и моральным ценностям – ради них самих и "для души". С этой точки зрения, мы определяем интеллигенцию так: *она есть среда, в которой отдельная личность находит импульсы для возбуждения "духовной жажды" и средства для её утоления и получает возможность проложить свой путь, или свою тропинку, индивидуального развития.* Если *эта* сторона достаточно сильно выражена и воплощается в более или менее ярко в творчестве (литературном, художественном, научном, философском, моральном), то интеллигенция по праву является *разумом* и *совестью* страны. Этот разум может заблуждаться, или, вернее, не может не заблуждаться, стремясь к "истине"; эта совесть не застрахована от угрызений (безгрешная совесть была бы глухой и немой, т.е. перестала бы быть совестью). Но, при всех неизбежных заблуждениях и уклонах, при всей разноголосице идей, идеалов, мнений, интеллигенция, как разум и совесть страны, прежде всего утверждает *свое психологическое единство* и укрепляет *культурное единство нации.* То и другое наглядно проявляются в том несомненном факте, что именно интеллигенция и есть та среда, где вырабатывается *национальное самосознание* народа. Факт общеизвестен, но не все сознают его сложность и его важность. Упрощая за-

дачу, укажу лишь на следующее: 1) проявления так называемого “национального лика”, или выражаясь проще и скромнее, “национальной психики” напрасно будем искать в народных массах, где, вместо нее, найдем только психику *этническую*, характерные признаки *национальной* психики впервые проявляются не в народной жизни и словесности, не в фольклоре, а в так называемой “искусственной” литературе, – в творениях великих писателей и – шире – в общей духовной деятельности интеллигенции. Итак, *интеллигенция есть среда, где выявляется национальная психика народа.* Можно сказать и так: *интеллигенция есть как бы лаборатория, где из сырого материала этнической психики создается психика национальная.* 2) Выявление “национального лика”, это – одна сторона дела; другая – это его ощущение, его восприятие, иначе – *развитие национального самосознания*. Это, как известно, специальное дело интеллигенции, дело, к которому она призвана по преимуществу. 3) Выявляя национальную физиономию, *вырабатывая национальное самосознание, интеллигенция является одною из важнейших сил, создающих и укрепляющих национальное* (*в культурно-психологическом смысле*) *единство страны.* 4) Это единство может и не совпадать с единством государственным (политическим), но для последнего служит надежной опорой; при благоприятных условиях (географических, экономических и т.д.), национальное (в культурно-психологическом смысле) объединение подводит под него прочный фундамент. Иное государство может, волею судеб, распасться, но фундамент останется, и, ввиду его прочности, “воля судеб” может повернуть в обратную сторону. Говоря без метафор, интеллигенция, носительница национального самосознания, если она достаточно многочисленна и действенна, является залогом воссоздания государственного единства.

Так и у нас, в России. Наша интеллигенция, связанная с государством историческими судьбами, есть интеллигенция *всероссийская*, глубоким инстинктом приверженная к идее государственного единства Великой России, – не взирая на все уклоны в сторону космополитизма, интернационализма, анархизма и т.п. (причем эти уклоны обнаруживались лишь в известной части интеллигенции и никогда не были общими). Ошибки разума и прегрешения совести часто оказываются в противоречии с внушениями инстинкта и заветами Истории. Но этот инстинкт и эти заветы сильнее всех ошибок и уклонов, вместе взятых. Русской интеллигенции, сильной своим *единством*, нужна Единая Великая Россия. Русская интеллигенция, с психологической необходимостью, остается инстинктивно-патриотичной и инстинктивно-государственной. В наше катастрофическое время она станет, она уже становится сознательно-патриотичной, сознательно-государственной.

(“Современное слово”. 1919. 6 ноября. С. 1.)[2]

3
Интеллигенция и возрождение России

После свержения большевистского ига в возрождающейся России возникнет небывалый спрос на интеллигенцию. И это будет не только спрос на образованных людей, на хорошо подготовленных чиновников, инженеров, агрономов, врачей, педагогов и т.д. – это будет вместе с тем и спрос *на интеллигента как такового,* – спрос на представителей той особой – интеллигентской психологии, которая в течение ста с лишним лет служила закваской русской духовной культуры. Две черты этого психологического типа окажутся особливо ценными: 1) психологический и этический идеализм и 2) потребность искать, в своем мышлении и действовании, прежде всего личного нравственного удовлетворения, утоления духовной жажды. Эти черты в их крайнем выражении и в их болезненных уклонах становятся явлением отрицательным, анормальным и, в этом виде, могут приводить к нежелательным последствиям, что и бывало. На этой почве объективная истина смешивается с субъективной правдой, и человек перестал видеть и понимать действительность, как она есть. Создается идеология, ненужная, или бесполезная, а иной раз и вредная для окружающей социальной среды, для общества, для России, но зато, как нельзя лучше, удовлетворяющая гипертрофированный этический идеализм ее адептов, нужная и важная, для них лично – “для души”. Так, многое в старом “правоверном” народничестве было нужно, или ценно вовсе не для народа, а “для души” самих народников; кое-что в нашем изначальном марксизме оказывалось также более пригодным “для души” “русских учеников Маркса”, чем для реальных потребностей организующегося рабочего класса. Пресловутый поворот “от марксизма к идеализму” был чуть ли не целиком делом субъективным, “душевным”… Тем не менее, оставляя в стороне крайности и уклоны, мы скажем, что, в своей основе и в своем правильном выражении, указанные две черты представляют собой огромную и ничем неза-

[2] Эта статья была мною перепечатана ранее в журнале “Санкт-Петербургский университет” (2008. № 18–19. С. 68–69) в связи со 155-летием со дня рождения ученого.

менимую духовную ценность. Без нее, конечно, можно и недурно жить, и хорошо работать, но зато невозможно никакое творчество и никакое возрождение.

В наши дни эта великая духовная ценность находится как бы на ущербе. Но она, разумеется, не исчезла, а только перешла в скрытое состояние. Русская интеллигенция очутилась, если не в тупике, то на распутье. Дело представляется так, как-будто исчезли стимулы, необходимые для возбуждения этического идеализма, и старые заветные слова выдохлись и – психологически – стали "словами забытыми". Так, например, идея народа, некогда столь властная и чарующая, сейчас уж не может служить очагом идеалистических настроений и ничего не в силах дать "для души". Убежденным народникам (если таковые еще существуют) приходится хлопотать лишь о том, чтобы спасти ее здоровое зерно и тень ее былого престижа от окончательного поругания. Социализм… Он не выдержал революционного испытания, он опозорен большевизмом, растоптан в грязи и крови, – и сейчас ничего не может дать ни для тела, ни для души. И убежденным социалистам (к числу которых принадлежит и пишущий эти строки) остается одно: уповать на будущее, когда социалистическая идея, перестав быть революционной и демагогической, возродится в новом виде, с новым этическим ореолом, с обыкновенной жизнедеятельностью.

Но горизонты уже проясняются, – и на смену старым словам, не отвергая их в принципе, пришло новое, не менее властное и чарующее, сулящее обильную жатву и для живого дела, и для живой души. Оно звучит так: единая, великая, свободная демократическая Россия, возрождающаяся к новому историческому бытию и призывающая к дружной одухотворенной работе всех, в ком еще сохранился дух жив. Способна ли русская интеллигенция откликнуться на этот призыв и, оставив старые счеты и предубеждения, объединиться для служения, не за страх, а за совесть, великому делу, высоко-идеалистическому и глубоко-реальному, делу историческому? На этот вопрос возможен только утвердительный, категорический ответ. Не следует смущаться интеллигентскими разногласиями. Они неизбежны, и их источник в самом существе дела. Старые споры будут забыты, но вместо них возгорятся новые, ибо по любому вопросу жизни (экономическому, политическому и т.д.) мнения и точки зрения неминуемо разойдутся. И в известной мере это даже послужит на пользу делу. Важно другое: чтобы это дело стало для интеллигенции делом души, совести, разума и воли. А в этом сомневаться нельзя. Вопрос о возрождении России есть, вместе с тем, и вопрос о возрождении русской интеллигенции.

И этой последней некоторое тайное чутье подсказывает, что только в освобожденной и возрожденной России она сама освободится от внутреннего – психологического – гнета настроений, страстей, идей, сковывавших ее разум и волю и задерживавших здоровый рост ее духовных сил. В новой свободной России интеллигенция вступит в новый фазис жизнедеятельности, которая развернется под знаком внутренней свободы, здорового психологического индивидуализма, самодовлеющего творчества в сфере запросов моральных, религиозных, философских, научных, художественных.

Эта перспектива чуется в тумане будущего, и все теснее и прочнее связывается она с идеей единой великой свободной демократической России…

("Современное слово". 1919. 23 ноября. С. 2.)